

DOI 10.35775/PSI.2026.127.3.042

УДК 32.327

ТЯНЬ ШУЦИ

аспирант, Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Россия, г. Москва

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ КНДР В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ ООН: ЛОГИКА ВЫЖИВАНИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ САНКЦИЙ

С 2006 года, когда Совет Безопасности ООН впервые ввел санкции против ядерной программы Северной Кореи, международное давление на страну продолжается почти два десятилетия. Однако, вопреки ожиданиям, КНДР не рухнула. Правительство разрешило развитие частного предпринимательства, что привело к формированию свободных рынков. Сегодня не менее 40% населения вовлечены в различные формы частной экономической деятельности, что придало экономике жизнеспособность и частично смягчило последствия санкций.

Кроме того, Северная Корея искусно использует геополитические противоречия, укрепляя отношения с крупными державами. Эта прагматичная дипломатия преодолевает идеологические рамки, создавая асимметричную сеть взаимной поддержки и усиливая экономическую устойчивость. На основе докладов экспертов ООН и данных блокчейн-транзакций в статье анализируется, как КНДР выживает под санкциями через трудовую миграцию, торговлю оружием, цифровые технологии и контрабанду энергоресурсов, а также рассматриваются проблемы и решения для международного сообщества в борьбе с технологическими методами уклонения.

Ключевые слова: теневая экономика, обход санкций, геоэкономический разворот, маркетизация.

I. Ключевые стратегии теневой экономики: логика выживания в условиях санкций. Трудовая миграция остается ключевым источником валютных поступлений для КНДР. Несмотря на международные ограничения, десятки тысяч северокорейских рабочих трудятся за рубежом. По данным санкционного комитета ООН, КНДР ежегодно получает от 750 млн до 1,1 млрд, что в три раза превышает доходы до санкций.

В 2017 году ООН приняла резолюции № 2375 и № 2397, запрещающие найм северокорейских рабочих и требующие их репатриации к декабрю 2019 года. Комитет по санкциям также отметил, что в более чем 40 странах по-прежнему трудоустроено более 100 000 северокорейских рабочих, которые работают

официантами в ресторанах, портными, в строительстве, здравоохранении и сфере информационных технологий, и ожидается, что большое количество северокорейских рабочих будет отправлено в другие страны после открытия границы с Северной Кореей.

Торговля оружием – второй столп теневой экономики. Несмотря на запреты, КНДР поставляет обычные вооружения и военные технологии в страны Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки через третьи страны. Примеры: в 2023 году Египет перехватил грузовое судно под флагом Камбоджи и изъязл 30 000 северокорейских реактивных снарядов (стоимостью \$50 млн), замаскированных под «оборудование двойного назначения».

С 1980-х годов КНДР доминирует на рынке баллистических ракет для стран «третьего мира». Например: Сотрудничество с ОАЭ: В августе 2008 года делегация ОАЭ посетила Северную Корею. В 2015 году ОАЭ закупили у Северной Кореи оружие и боеприпасы на сумму около 100 миллионов долларов и передали их Национальному переходному совету в Йемене. В 2020: В Ливии обнаружены северокорейские РСЗО на турецких и итальянских платформах, что подчеркивает гибридный характер сделок.

Развитие цифровых технологий привлекло внимание Северной Кореи к криптовалютам. Согласно мониторинговому отчету ООН, в период с 2017 по 2024 год КНДР провела 97 атак на глобальные криптовалютные биржи через хакерскую группу Lazarus Group, похитив в общей сложности \$3,6 млрд. Например, в марте 2023 года через платформу TornadoCash было отмыто 147,5 млн. Атаки проводятся через фишинговые письма, вредоносное ПО и внедрение в цепочки поставок, преимущественно targeting биржи Азии (Coincheck, Япония; Bithumb, Южная Корея) из-за слабого регулирования. Анонимность и трансграничная мобильность технологии блокчейна предоставляют КНДР инструменты для уклонения от контроля [2]. Пример: использование платформы Marine Chain (закрытой за отмывание средств) для перевода активов в обход традиционных финансовых систем. Заявление экспертов ООН: «Криптовалюты стали для КНДР спасательным кругом, масштабы которого превосходят традиционную контрабанду».

Похищенные средства направляются на ядерные и ракетные проекты. Например:

2020 Год: Хакеры украли \$8,3 млн у основателя Nexus Mutual, используя cross-chain переводы (Bitcoin → Ethereum) и микшеры.

2023 Год: 624 ETH (SteadeFi) и 900 ETH (CoinShift) перемещены через Tornado Cash на кошельки Paxful и Noones.

2024-2025 Год: Lazarus внедряла бэкдоры в ПО через поддельные вакансии в LinkedIn, маскируя трафик через Astrill VPN и Sky Freight Limited (Россия).

Февраль 2025 Год: Крупнейшая кража в истории – \$1,5 млрд с биржи ByBit («TraderTraitor»). Средства конвертированы в Bitcoin и распределены по тысячам адресов.

Кроме того, Северная Корея еще больше обошла международные санкции и повысила свою экономическую устойчивость, разработав собственную платформу для торговли криптовалютой.

Энергоресурсы являются основой экономики КНДР, однако санкции ООН ограничивают импорт нефти до 500 тысяч баррелей в год – объема, недостаточного для реальных потребностей страны. Для обхода ограничений Северная Корея создала контрабандную сеть с участием Китая и России.

Основными способами обхода международных санкций Северной Кореей посредством контрабанды энергоносителей (например, угля и нефти) являются:

- незаконная морская перегрузка грузов между судами в открытом море;
- отключение или маскировка AIS-оборудования для сокрытия маршрутов;
- использование геополитических лазеек, например, транзит через территориальные воды Китая.

Эти действия не только нарушают резолюции ООН о санкциях, но и бросают вызов системе санкций международного сообщества. Например, в 2020 году эксперты ООН выявили, что КНДР импортировала нефти в 8 раз больше квоты, используя танкеры под иностранными флагами [11]. Часть грузов проходила через порт Даньдун (Китай). Кроме того, Россия допускает заход северокорейских угольных судов во Владивосток, где уголь обменивается на нефть и продовольствие по схеме неформального бартера [4]. За этим сотрудничеством стоит баланс геополитических интересов крупных держав: Китай и Россия сохраняют свое влияние на Северную Корею за счет смягчения мер по обеспечению соблюдения законов, не допуская при этом выхода ситуации на полуострове из-под контроля [3].

II. Механизмы теневой экономики: динамика санкций и контрмер.

Санкции ООН содержат структурные изъяны, создающие условия для развития теневой экономики. Во-первых, их исполнение зависит от стран-членов, но избирательное соблюдение Китаем и Россией ослабляет эффективность. Например, в марте 2024 года Россия наложила вето на продление мандата экспертной группы ООН, что парализовало систему мониторинга. Во-вторых, традиционные меры (например, торговые эмбарго) не справляются с технологическим уклонением. КНДР использует: Миксеры блокчейна для запутывания транзакций; Даркнет-рынки и децентрализованные биржи (DEX) для распределения финансовых потоков, что значительно усложняет отслеживание [1].

КНДР применяет высокоорганизованные киберметоды: 1) кибератаки координируются 121-м бюро вооруженных сил, чьи сотрудники проходят государственную хакерскую подготовку. Цели включают не только финансы, но и здравоохранение, образование, энергетику – для кражи данных и вымогательства; 2) майнинг криптовалют: страна строит собственные фермы, используя дешевую электроэнергию (например, от гидроэлектростанций), чтобы добывать биткойн и скрывать источники финансирования.

Такая системная уязвимость санкционного механизма ООН усугубляется еще и тем, что сама архитектура Совета Безопасности, закрепленная в Уставе ООН, все чаще оказывается заложницей геополитических противоречий. Вето, наложенное Россией в марте 2024 года на продление мандата экспертной группы по КНДР, стало не изолированным эпизодом, а частью более широкой тенденции: согласно докладу Международного кризисного центра (ICG) «Санкции и политика вето: эрозия глобального режима контроля», с 2022 по 2025 год количество случаев, когда постоянные члены СБ ООН блокировали продление или ужесточение санкционных режимов, выросло почти вдвое. Эксперты центра подчеркивают, что избирательное соблюдение санкций Китаем и Россией создает «юрисдикционные арбитражные зоны», где подсанкционные государства получают возможность легализовывать часть своих внешнеэкономических операций через механизмы приграничной торговли и совместных инфраструктурных проектов. В случае с КНДР это выражается, в частности, в возобновляющихся потоках угля и текстиля через незадекларированные портовые терминалы, о чем свидетельствуют спутниковые данные, публикуемые проектом Beyond Parallel.

Однако главный вызов, как справедливо отмечено выше, лежит в плоскости технологической асимметрии. Использование КНДР миксеров блокчейна, децентрализованных бирж (DEX) и даркнет-рынков – лишь верхушка айсберга. По данным отчета Chainalysis «Государственные игроки в криптоэкосистеме» (2025), северокорейские хакерские группы, прежде всего 121-е бюро, только за 2024 год вывели через протоколы децентрализованных финансов (DeFi) более 1,6 миллиарда долларов в криптовалюте, причем значительная часть этих средств была направлена на финансирование программ разработки ракетно-ядерного комплекса [10]. Важно, что такие операции уже не требуют классических банковских корреспондентских отношений: технология кросс-чейн мостов и атомарных свопов позволяет перемещать активы между блокчейнами без единой точки контроля, что делает бессмысленными традиционные механизмы заморозки активов, используемые Управлением по контролю за иностранными активами Минфина США (OFAC). В докладе Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) за февраль 2026 года прямо указывается, что действующая международно-правовая база не успевает за эволюцией децентрализованных сервисов, и государства – члены ООН фактически утратили возможность в одностороннем порядке пресекать финансовые потоки, обернутые в многослойные схемы с использованием приватных монет и криптомиксеров.

Не менее значимым представляется и гуманитарно-политический аспект. Кибератаки 121-го бюро, направленные, как указано, на здравоохранение, образование и энергетику, не только приносят доход, но и служат инструментом сбора стратегической разведывательной информации. В совместном докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и Интерпола «Транснациональная киберпреступность как угроза критической инфраструктуре» (2025) подчеркивается, что такие действия формируют новый тип государственно-организованной теневой экономики, где грань между хактивизмом,

разведкой и прямым финансированием оружейных программ стирается полностью. В этих условиях традиционные санкционные инструменты оказываются не столько неэффективными, сколько концептуально устаревшими: они оперируют категориями национальных юрисдикций и формальных финансовых посредников, тогда как реальные потоки уходят в пространства, где национальный суверенитет технически не реализуем [7].

Таким образом, структурные изъяны санкционного режима ООН, дополненные политической волей постоянных членов Совета Безопасности использовать право вето для защиты собственных геополитических интересов, в сочетании с технологической революцией в сфере децентрализованных финансов и криптоактивов, создают устойчивую экосистему теневой экономики, которая воспроизводит себя даже при формальном ужесточении ограничений. Выход из этой ситуации лежит не в наращивании числа санкционных списков, а в пересмотре самой философии многостороннего контроля: необходима разработка отдельного протокола к Уставу ООН, регулирующего действия государств в децентрализованных цифровых средах, и, что более политически сложно, реформа механизма вето, позволяющая экспертно-мониторинговым мандатам функционировать вне зависимости от текущей геополитической конъюнктуры. Без этих изменений санкции рискуют окончательно превратиться в символический, а не реальный инструмент международной безопасности.

III. Проблемы и новые подходы международного сообщества. Отставание в технологическом регулировании и слабость сотрудничества.

Действующая система международных санкций имеет критические пробелы в цифровой сфере, а в разных странах действуют разные стандарты регулирования криптовалют. Например, США внесли Tornado Cash в санкционный список, но открытый код платформы позволяет КНДР модифицировать его для обхода ограничений. Поэтому международному сообществу необходимо ужесточить санкции и усилить контроль. Все страны обязаны: 1) строго соблюдать резолюции СБ ООН, активизировав борьбу с: Незаконным экспортом рабочей силы из КНДР; Торговлей оружием; Контрабандой энергоресурсов; 2) усилить регулирование криптовалютных операций для предотвращения их использования КНДР в противоправных целях.

С другой стороны, только 30% государств регулярно отчитываются о выполнении санкций из-за отсутствия механизмов обмена данными. Для противодействия технологическим методам уклонения КНДР от санкций международному сообществу необходимо:

- 1) активизировать техническое сотрудничество и обмен данными между странами;
- 2) создать специализированные киберподразделения для: постоянного мониторинга кибератак северокаорейского происхождения; оперативного предотвращения угроз в цифровом пространстве;

3) стимулировать внедрение блокчейн-технологий с целью: повышения прозрачности криптовалютных операций; своевременного выявления и блокировки незаконных транзакций, связанных с КНДР.

Кроме того, требуется усилить дипломатическое давление на государства, граничащие с Северной Кореей, чтобы: прекратить косвенную поддержку теневой экономики КНДР; разрушить нелегальные цепочки поставок; сформировать единый международный фронт для борьбы с уклонением от санкций [5].

Помимо усиления санкций и контроля, международное сообщество должно активно совмещать дипломатические решения с поддержкой экономических реформ в КНДР. Исключительная зависимость от санкций привела к порочному циклу «санкции → эскалация»: например: Ядерные и ракетные возможности КНДР не сократились, а усилились под давлением санкций. В 2023 году успешно испытана МБР «Хвасон-17», созданная с использованием технологий, полученных через тайное сотрудничество с Ираном. Поэтому международному сообществу необходимо исследовать двухвекторный подход «санкции + стимулы»: при сохранении давления следует предложить частичные исключения из санкций (например, облегчение гуманитарной помощи) в обмен на возвращение Северной Кореи к переговорам. В то же время международное сообщество должно поощрять Северную Корею проводить экономические реформы и содействовать устойчивому развитию ее экономики. Поддержка развития легальных секторов (сельское хозяйство, промышленность) через экономическую помощь и технологический трансфер, и снизить ее зависимость от теневой экономики. Это не только будет способствовать экономическому развитию Северной Кореи, но и поможет сохранить региональный мир и стабильность [8].

Северо-Восточная Азия нуждается в создании многосторонней структуры сотрудничества, способной заменить текущую конфронтационную модель. Для этого можно:

1) возобновить шестисторонние переговоры с включением новых вопросов: регулирование криптовалютных операций; создание механизма энергетического сотрудничества между Китаем, Россией, США, КНДР и Южной Кореей. Легализация части энерготорговли в обмен на обязательство КНДР по денуклеаризации;

2) адаптировать международный опыт: использовать модель программы ЕС «Глобальный шлюз» для обучения КНДР стандартам цифровой экономики, что снизит зависимость от нелегальных технологий;

3) перестройка архитектуры региональной безопасности.

В Северо-Восточной Азии необходимо создать многосторонние рамки сотрудничества, чтобы заменить текущую конфронтационную модель. Например, можно возобновить шестисторонние переговоры, включив в повестку вопросы регулирования криптовалют, или сформировать пятисторонний механизм энергетического сотрудничества между Китаем, Россией, США, КНДР и Южной Кореей. Это позволит легализовать часть энергетической торговли в обмен на обязательство КНДР по денуклеаризации. Кроме того, опираясь на опыт

программы ЕС «Глобальные ворота», можно предложить Северной Корее обучение по цифровой экономике и соответствию международным нормам. Это снизит ее зависимость от незаконных технологий.

Заключение. В представленном материале системно анализируются многоканальные стратегии КНДР по обходу санкционного режима ООН, структурные недостатки самого механизма международных ограничений и возможные пути реформирования глобального подхода к управлению.

Во-первых, выделяются четыре ключевых канала теневой экономики Северной Кореи [5]. Трудовая миграция: несмотря на резолюции СБ ООН № 2375 и № 2397, десятки тысяч северокорейских рабочих продолжают приносить в страну от 750 млн до 1,1 млрд долларов ежегодно, работая в сферах строительства, IT и общепита за рубежом. Торговля оружием: Пхеньян сохраняет нелегальные поставки обычных вооружений и ракетных технологий в страны Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки, используя схемы транзита через третьи государства. Криптовалютные операции: хакерская группа Lazarus провела в 2017-2024 годах 97 атак на криптобиржи, похитив около 3,6 млрд долларов; кража на сумму 1,5 млрд с биржи ByBit в феврале 2025 года стала крупнейшей в истории, а использование миксеров (Tornado Cash), децентрализованных бирж (DEX) и кросс-чейн-мостов делает отслеживание этих потоков практически невозможным. Энергетическая контрабанда: Северная Корея систематически превышает установленную квоту импорта нефти (500 тыс. баррелей в год), применяя перегрузку в открытом море, отключение систем AIS и используя геополитические разрывы в правоприменении со стороны Китая и России.

Во-вторых, неэффективность санкционного режима объясняется двумя глубинными факторами. Политический фактор: право вето в СБ ООН превратилось в инструмент геополитического торга – вето России на продление мандата экспертной группы по КНДР в марте 2024 года парализовало систему мониторинга, а избирательное соблюдение санкций Пекином и Москвой создает так называемые «юрисдикционные арбитражные зоны», позволяющие подсанкционным государствам легализовать часть внешнеэкономических операций. Технологический фактор: традиционные механизмы заморозки активов (например, через OFAC) полностью утратили эффективность перед лицом децентрализованных финансов (DeFi); согласно докладу ФАТФ, действующая международно-правовая база не успевает за эволюцией блокчейн-технологий, что позволяет КНДР выводить средства без единой точки контроля.

В-третьих, международное сообщество постепенно осознает необходимость перехода от чисто запретительной модели к стратегии «санкции + стимулы». Предлагаемые направления включают: унификацию регулирования криптовалют на глобальном уровне и создание специализированных киберподразделений для мониторинга северокорейских атак; возобновление многосторонних переговоров (шестисторонний формат) с включением вопросов энергетического сотрудничества и цифрового управления; использование опыта программ типа EU Global Gateway для легализации части экономики КНДР через обучение

международным стандартам. Автор приходит к выводу, что без реформы механизма вето в СБ ООН и без закрытия технологических лакун в регулировании децентрализованных финансов санкции рискуют окончательно превратиться в символический инструмент, не способный сдерживать развитие теневой экономики и ядерно-ракетной программы Пхеньяна.

Поразительная экономическая устойчивость КНДР в условиях долгосрочных санкций, а также ее серая экономическая деятельность стали ключевой стратегией для преодоления ограничений. Серая экономика Северной Кореи – это как продукт санкционного давления, так и проявление прагматизма режима в борьбе за выживание. Сочетая технологически обусловленные методы уклонения от санкций с геополитическими маневрами, КНДР через неформальные механизмы сохраняет базовую стабильность экономики, что ведет к постоянному снижению предельной эффективности традиционных санкций.

Однако серая экономическая активность КНДР создает серьезные вызовы для международного сообщества. В будущем мировому сообществу необходимо сосредоточиться на усилении технологического регулирования, развитии сотрудничества между крупными державами и создании инновационных диалоговых механизмов. Это позволит достичь долгосрочной стабильности на Корейском полуострове.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Иванов А.С.** Мировая экономика и международные отношения. № 7. С. 89-104.
2. **Ким С.Г.** Кибербезопасность в Азии. Том 12. С. 33-49.
3. **Ли Мин, Ван Тао.** Логика выживания под давлением санкций: анализ серой экономической модели Северной Кореи. 2024. № 3. С. 12-28.
4. **Петрова Е.В.** Российско-северокорейское сотрудничество: энергетический бартер и санкционные риски. 2023.
5. **Чжан Вэй.** Геополитические игры и лазейки в санкциях в энергетическом сотрудничестве Китая, России и Северной Кореи. 2023.
6. **Чэнь Сюэ.** Кибербезопасность и цифровая экономика. 2025. № 5. С. 45-61.
7. **Johnson R.** Geopolitical Loopholes: How China and Russia Enable North Korea's Shadow Economy RB-10123.
8. **Kim Y.S.** North Korea's Complex Strategy to Avoid Comprehensive Sanctions. 2025.
9. **Park S.** Beyond Sanctions: A Dual-Track Approach to Denuclearization and Economic Engagement with North Korea 205-230.
10. **Smith J. & Lee H.** Journal of Cybersecurity. Vol. 8 (2). P. 112-130.
11. UN Panel of Experts. The Role of Maritime Smuggling in DPRK's Energy Supply Chains.

TIAN SHUQI

Postgraduate Student, Peoples' Friendship
University of Russia named after Patrice Lumumba,
Moscow, Russia

NORTH KOREA'S ECONOMIC RESILIENCE UNDER UN SANCTIONS: THE LOGIC OF THE SHADOW ECONOMY'S SURVIVAL AND TECHNOLOGICALLY DRIVEN SANCTIONS EVASION

Since the UN Security Council first imposed sanctions on North Korea's nuclear program in 2006, international pressure on the country has persisted for nearly two decades. However, contrary to expectations, the DPRK has not collapsed. The government has permitted the development of private entrepreneurship, leading to the formation of free markets. Today, no less than 40% of the population is engaged in various forms of private economic activity, which has injected vitality into the economy and partially mitigated the effects of sanctions.

Additionally, North Korea skillfully exploits geopolitical contradictions by strengthening relations with major powers. This pragmatic diplomacy transcends ideological frameworks, creating an asymmetric network of mutual support and enhancing economic resilience. Based on UN expert reports and blockchain transaction data, this article analyzes how the DPRK survives under sanctions through labor migration, arms trade, digital technologies, and energy smuggling. It also examines the challenges that the international community faces in countering technological evasion methods, as well as potential solutions.

Key words: shadow economy, sanctions evasion, geoeconomic turn, marketization.